

— По крайней мере, есть надежда. — Заметив равнодушное отношение Жун Тяня, Фэн Мин вытянул руки и, крепко схватив за плечи, настойчиво сказал: — Я знаю, ты переживаешь из-за того, что Жо Янь, возможно, нападёт на наш лагерь, который сложно атаковать[1], и нас, возможно, ждёт жестокий бой. К тому же... К тому же, не исключено, что Жо Янь может приготовить новую западню, Но Жун Тянь, ради Жун Ху, ради всех тех, кто остался там, мы, во всяком случае, должны сделать всё возможное и невозможное, чтобы их спасти! Времени уходит, нужно поторопиться!

В отчаянии князь несколько раз встряхнул высокое тело императора, стараясь стереть безразличие с лица Его Величества, но все старания оказались напрасными. Ничуть не изменившись в лице, молодой мужчина лишь неторопливо снял с плеч обессиленные руки Фэн Мина и, сжимая их в своих горячих ладонях, посмотрел на князя:

— Фэн Мин, ты такой наивный. И эту наивность я очень люблю. — Губы дрогнули, отчего казалось, что Жун Тянь вот-вот улыбнётся, но улыбки не последовало.

От этих слов у Фэн Мина мурашки прошли по телу, а сам князь пробормотал:

— Жун Тянь, что ты такое говоришь? Ты что, действительно решил их бросить?

В глазах, что были подобны обсидиану[2], в миг исчезла печаль, превращая их в метеорит, который одним махом разорвал душу. А сам император Силэй ответил:

— Даже если мы поспешим и вернёмся туда, то всё равно опоздаем. Жо Янь наверняка уже захватил наш лагерь. И даже если вступим в бой, то не сможем спасти всех и сразу. И не стоит забывать: если мы сделаем одно неверное движение, то, скорее всего, попадёмся в ловушку Жо Яня.

Однако Фэн Мин по-прежнему не сдавался и настойчиво анализировал:

— Но если мы поспешим и вернёмся туда, то, по крайней мере, хоть немного, но спугнём Жо Яня. Возможно, тогда он не станет убивать Жун Ху и остальных, а лишь возьмёт их в заложники. И, может, нам удастся что-нибудь придумать, чтобы уговорить Жо Яня пойти на переговоры и обменять заложников?

Жун Тянь пристально посмотрел на Фэн Мина, заглядывая в его глаза, где таились умные мысли, которым, казалось, не было конца.

Прошло несколько лет, и хоть передним стоял уже не тот незрелый юноша, терявший сознание в купальне, однако руки, что сейчас покоились в императорских ладонях, до сих пор оставались такими же утончёнными и мягкими, как и тогда, в день их первой встречи.

День за днём, год за годом мужчина наблюдал, как растёт Фэн Мин, который не мог даже

оседлать коня, а сегодня последовал за ним в глубокую ночь, и как потихоньку обучал его искусству владения мечом, однако император Силэй никогда не забывал того хрупкого и худенького юношу, которого встретил несколько лет назад.

Этот возмужавший молодой человек, а теперь и князь Силей, стал его слабостью. И Жун Тянь люто ненавидел тех, кто прикасался к его «слабости», в особенности Жо Яня. Его Величество было обеспокоено одержимостью императора Ли по отношению к Фэн Мину. Из-за желания обладать им, Жо Янь привёл войско, чтобы напасть на их лагерь и вновь забрать князя.

Стоит им отправиться на помощь, как Жо Янь тотчас же возьмёт Жун Ху, Мэй Цзи и всех остальных в заложники, в чём Фэн Мин не ошибся. Однако, единственным условием обмена будет князь Мин и только он.

На такое условие он, Жун Тянь, никогда не согласится.

— Жун Тянь, отдай приказ, — попросил Фэн Мин, чуть ли не умоляя.

Золотисто-жёлтые лучи рассвета, которые тихо переплетались с ветвями деревьев, в глазах князя выглядели крайне устрашающе.

Лучи, которые должны были олицетворять чудесный новый день, сейчас безжалостно давали понять, — время истекает. Дыхание смерти становилось всё ближе, а жизнь тех, кто остался в лагере, медленно приближалась к концу.

В конце концов, это не территория Ли, а — Юньинь, то после нападения на лагерь, Жо Янь, избежав столкновения с войском Силэй, вскоре отступит.

За этот короткий решающий момент, возможно, Мэй Цзи, как и все остальные, уже мертва.

— Жун Тянь, Жун Тянь... — с тревогой в голосе позвал Фэн Мин.

Император Силэй крепко сжал руки любимого феникса, причиняя тому лёгкую боль.

От скрытой решительности мороз прошёл по коже.

— Мы не вернёмся.

— Но почему? — недовольно воскликнул Фэн Мин.

Вместо ответа Жун Тянь спрятал печаль в глубине души, не позволяя князю увидеть её.

Иногда наивность Фэн Мина являлась своего рода щитом, и Жун Тянь был рад, что его фениксу удалось сохранить это качество.

Если, вернувшись в лагерь, они проиграют битву, то последствия будут предсказуемыми. Жо Янь, используя Мэй Цзи и остальных в качестве заложников в обмен на Фэн Мина, загонит в тупик, где заставит князя испытать чашу страданий.

Ни в коем случае нельзя отдавать князя, однако император Ли, весьма вероятно, использует этот удобный случай, чтобы навредить Его Светлости.

Жо Янь — чудовище. Он даже может перерезать всех заложников на глазах у Фэн Мина и повесить тела на больших воротах лагеря, оставив в его душе неизгладимый след от этой ужасной картины, заставляя князя страдать от чувства вины и от ночных кошмаров.

Жун Тянь не мог подобного допустить.

— Жун Тянь, прошу, давай вернёмся. Я понимаю, что это опасно, у нас не хватает солдат, но зато мы хоть попытаемся спасти... — слёзно умолял Фэн Мин.

Его голос, полный отчаянья, больше напоминал крик оленёнка, Жун Тянь не думал, что однажды увидит настолько опечаленного князя.

Вот только молодой мужчина не думал, что лично станет причиной этой печали.

— Почему? Я не понимаю, почему даже не хочешь попытаться? — Князь рухнул на колени перед Его Величеством, и обессиленно разрыдался. — Почему не выдвигаешь войска? Почему не спасаешь? Почему? Император Силэй!

В этот момент его глубоко любимый человек являлся лишь величественным императором Силэй.

Тень смерти становилась всё ближе, однако Жун Тянь по-прежнему ничего не собирался предпринимать. Всё, что он делал, — просто сидел на месте. Ведь если так разобратся, то те, кому сейчас угрожала опасность, были всего лишь слугами, пешками. Конечно, досадно терять таких слуг, но их потеря не была такой уж значимой и уж тем более не рвала сердце на куски, вызывая слёзы.

В эти минуты Фэн Мин ненавидел и презирал собственную никчёмность, как князя Мина.

Ведь князь Мин был настолько бесполезен, что даже не мог отдать приказ солдатам и слугам.

Он, внезапно подняв голову, уставился на Жун Тяня:

— Неужели жизнь Жун Ху и остальных слуг для тебя ничего не значат? А жизнь Цю Лань? Мэй Цзи? Она же спасла тебе жизнь! И это твоя благодарность?

Однако на лице императора Силэй по-прежнему читалось едва уловимое безразличие, а сам государь, разомкнув губы, проговорил:

— Значат.

— Тогда немедленно выдвини войска на подмогу.

— Нет, — слово, сказанное спокойным тоном, было наполнено ужасающей мощью, словно гвоздь, вбитый в каменную скалу.

— Почему? — недоверчиво уставившись на Жун Тяня, князь через мгновение взревел: — Почему? Скажи, почему?

Красивое лицо Жун Тяня внезапно дрогнуло, на губах появилась шелковинка благородной, но в то же время презрительной улыбки:

— Потому что я — император Силэй, и только я решаю, что делать, а не ты!

Фэн Мин оцепенел.

Словно гром — глас Небес — внезапно раздался среди ясного дня.

Обнажив не понимающий вид, князь вычеркнул все слова, только что сказанные Жун Тянем, а находящийся рядом силуэт внезапно отдалился, словно во сне. Вскоре эта фраза насквозь пронзила душу и, добравшись до разума, обрушилась на голову, словно мелкий град.

Лоб обхватила смутная боль. На нетвёрдых ногах князь поднялся. Жун Тянь, вытянув руку, уже хотел было поддержать его, но Фэн Мин со всей злости ударил по ней, отталкивая от себя.

— Что ж, раз уж ты не хочешь возвращаться, тогда вернись я. — Сейчас Фэн Мин уже твёрдо стоял на ногах, а в глазах понемногу прояснилось. Князь решительно развернулся. — Даже в одиночку, но бросать их я не могу. Не могу смотреть, как они умирают.

Стоя сзади, Жун Тянь спросил:

— Чем ты воспользуешься, да ещё в одиночку? — В данный момент его голос звучал безжалостно и холодно.

— Что будет, тем и воспользуюсь. — И, холодно усмехнувшись, Фэн Мин хрипло добавил: — Своими кулаками, мечом и даже собственной жизнью...

Внезапно плечо сжали и князь, невольно развернувшись, оказался лицом к лицу с Жун Тянем, не успев ясно увидеть его лица, как щеку обожгла безжалостная пощёчина.

Ужасный и крайне громкий звук прокатился по ущелью, всполошив нескольких чёрных птиц, которые, вспорхнув, разлетелись во все стороны.

Жун Тянь обладал не шуточной силой, от удара князь едва не рухнул в сторону. Но император схватил покачнувшегося феникса, и снова ударил по второй щеке, да так сильно, что искры посыпались из глаз. И государь зло процедил:

— Воспользуешься собственной жизнью? Твоя жизнь что, пустяк?

От двух пощёчин в глазах замерцало, в голове прокатилось шумное эхо, словно, они что-то разбили в разуме, оставляя лишь пустоту, а князь оцепенело глядел на Жун Тяня.

Из треснувшего уголка губ медленно потекла тонкая струйка крови, которая, оставляя след на коже, достигла подбородка, собралась в алую жемчужину и, сорвавшись вниз, капнула на одежду.

Увидев это, Жун Тянь неожиданно испугался и, вытянув руки, заключил Фэн Мина в крепкие объятия:

— Ничего, ничего, я здесь, и никто не посмеет причинить тебе вред, никто не посмеет трогать...

За всё то время, что они были знакомы, Жун Тянь впервые поднял руку на любимого феникса, и это потрясло его сильнее, чем самого князя. Который, остолбенев, замер и хранил молчание в объятиях императора, словно ледяная статуя. Холод, капля за каплей передавался от него к Жун Тяню, позволяя почувствовать, как проникает в сердце, постепенно охватывая тело и превращая в такой же кусок льда.

Внутри «ледяного покрова» внезапно раздался приближающийся цокот копыт.

Всадник приблизился. На рукаве мужчины виднелась вышитая голубая полоска, по которой стражники тотчас же узнали лазутчика Его Величества. Его отправили разведать обстановку и сейчас, выполнив задание, слуга направлялся с докладом к государю. Стража добровольно отошла с дороги, позволяя ему проехать.

Покрытый пылью и тяжело дышащий лазутчик, оказавшись перед Жун Тянем, спрыгнул с коня и, встав на колени, пал ниц, скорбно донося:

— Ваше Величество, Жо Янь, не увидевший, что мы мчимся на подмогу, отозвал своё войско и уехал. Но перед тем, как скрыться, Жо Янь собрал всех пленников в покоях госпожи Мэй Цзи, приказав заколотить все окна и двери, после чего всё облили огненным маслом[3]. В итоге все, кто там был... сгорели заживо!

Внезапное молчание тотчас же воцарилось в лесной чаще.

Все сгорели заживо.

Раненый Жун Ху, милая Цю Лань, добрая и очаровательная Мэй Цзи — все исчезли навсегда. Запертые в покоях Мэй Цзи, с заколоченными окнами и дверью, облитые огненным маслом, где огонь постепенно охватывал и сжигал их тела.

Мучились ли они от боли?

Эта неожиданная и ужасная новость принесла с собою один лишь траур, который тотчас же пропитал всё пространство, отравляя воздух.

Боль утраты захлестнула душу. Она была настолько сильной, что сдавливала сердце и душила, не давая сделать даже простой вздох.

Вскоре в звенящем молчании неожиданно раздался голос.

Очень спокойный, обнадеживающий, тихий и в то же время нежный, словно тёплый весенний ветерок:

— Фэн Мин, ты весь дрожишь, тебе холодно?

— Угу, — и слабый вздох сорвался с губ князя, находящегося в тёплых объятиях Жун Тяня.

— Не переживай, я согрею тебя в своих объятиях.

— Жун Тянь...

— М?

— Обними меня крепче.

Жун Тянь ненадолго замолчал, не зная, что ответить.

Вместо этого молодой мужчина поднял руку и жестом приказал не только лазутчику, но и всем приближённым слугам удалиться. Держа князя и дойдя до большого камня, император Силэй сел и, обняв любимого феникса, легонько погладил кончиками пальцев.

Длинные и изящные пальцы вцепились в императорский рукав и сжали ткань так сильно, что суставы побелели. Казавшиеся тонкими плечи слегка задрожали, придавая князю вид маленького раненого зверька, который отчаянно искал исцеления.

Жун Тянь, в свою очередь, чувствовал, как боль костлявыми пальцами время от времени сжимала сердце.

Безжалостная игра по объединению мира была не для Фэн Мина, однако он, князь, из-за него, Жун Тяня, обрёк себя на это сражение.

Невольно попробовав терпкий вкус крови, вытекающей из ран миллионов людей, Фэн Мин по-настоящему ощутил беспомощность уходящей жизни.

Жун Тянь, словно придерживая раненого, ласково обнимал.

В теле, которое находилось в объятиях императора Силэй, постепенно появлялась сила, а мягкая плоть с изящными линиями мышц, казалась такой утончённой, что, при лёгком нажатии, можно было почувствовать кость.

Жун Тянь понимал, — князь всё тот же не знающий, как себя защитить себя юноша, которого окружали другие страны, не позволяя расслабиться ни днём, ни ночью.

От самого же князя, который жался к груди Его Величества, исходил запах скорби. Жун Тянь буквально задыхался им. Ему не нравился этот запах потому, так как он перебивал благоухание любимого феникса.

Однако...

Лёгким касанием пальцев мужчина осторожно поправил выбившуюся прядь, заводя её за ушко князя.

Как было бы замечательно, если бы Фэн Мин навсегда остался в его объятиях, считая их своим убежищем.

Князь вёл себя очень тихо. Убитый горем и устав от душивших слёз, он словно заснул, прислонившись к груди государя.

Жун Тянь тоже старался не двигаться, так как понимал, — любимый феникс не спит. Что

нуждается в покое, ведь он ещё не научился, как сохранять самообладание, столкнувшись с бедой. От подобного горя князь пребывал в нерешительности и беспомощности.

Тишина играла соответствующую роль: находясь рядом с Его Величеством и Фэн Мином, она «махала руками», заставляя время бесшумно двигаться вперёд. И оно ей подчинялось. Секунды превращались в минуты, а минуты — в часы.

Спустя очень долгое молчание возле груди донёлся голосок:

— Если бы мы вернулись, то он бы их убил прямо у меня на глазах? — Фэн Мин уже не всхлипывал, хрипло сказал вполголоса, после очень долгого раздумья.

— Кто?

— Жо Янь. — После резкой боли всё несколько замедлилось. И князь неспешным тоном спросил: — Поэтому ты не хотел меня отпускать, верно?

— Не совсем так.

— Это из-за меня.

— Нет, — категорично ответил Жун Тянь, но всё же с нежностью погладил руку Фэн Мина.

— Они погибли из-за меня, я их погубил.

— Нет. — Взгляд Жун Тяня так похолодел, что даже солнечные лучи не могли растопить этот лёд.

В глазах читался холод и в тоже время решительность.

— Они умерли из-за Силэй. Из-за меня. — В эту минуту молодой мужчина тихо опустил голову. Его лицо медленно приблизилось к лицу князя, и горячее дыхание обожгло кожу любимого. — Фэн Мин, в этом мире ты способен убить лишь двух людей.

— Двух?

— Один из этих двух — это ты, а другой — я. Ведь если ты не будешь заботиться о себе, то и я умру от беспокойства за тебя.

Помолчав, Фэн Мин прервал паузу, спросив:

— Тогда что насчёт тебя? Скольких людей ты можешь убить?

— Многих. Я убью каждого, кто посмеет тебя обидеть.

— И Жо Яня тоже?

— И Жо Яня тоже.

Прижимаясь к груди Жун Тяня, Фэн Мин продолжал трястись от холода.

В памяти всплывали образы Жун Ху и Цю Лань, их голоса и смех снова. Однако разум был жесток, постоянно напоминая о произошедшем, создавая огромное и ужасное пламя, которое нещадно сжигало их лагерь.

Третья принцесса и Бо Лин любили друг друга так сильно, что даже этот огонь не смог их разлучить.

Изумительная и в то же время несчастная Мэй Цзи в последний раз принесла себя в жертву, и всё ради того, чтобы спасти любимого мужчину.

Это бушующее пламя скоро погаснет, и всё исчезнет вместе с ним.

Как быстротечен век и как хрупка нить человеческой жизни.

Неужели и жизнь Жун Тяня тоже такая же хрупкая?

Фэн Мин, задрав голову, тревожно коснулся угловатого лица императора Силэй.

— Жун Тянь... — нетерпеливо позвал он.

— М?

Голос казался сдавленным, после оцепенения князь вновь расслабился, прильнув к груди Жун Тяня, прошептал:

— Ты очень больно меня ударил.

Раскаившийся Жун Тянь с огромным сожалением коснулся его припухшего лица, искренне клянясь:

— Если вновь станешь относиться к своей жизни несерьёзно, я побью тебя ещё сильнее.

Хоть Жун Тянь был рядом, но боль от потери Жун Ху и остальных слуг не сразу утихла. Князь перешёптывался с любимым мужчиной, не в силах обуздать себя, как раньше, слёзы уже давно высохли, но на лице сохранялось выражение глубокой скорби и печали.

Заметив, с каким беспокойством смотрит на него император Силэй, Фэн Мин понимал, что если не прибодриться, то обеспокоит его ещё больше. Неохотно пересев на камень, князь выпрямился и, немного поразмыслив, прерывал тишину:

— А Ле-эр? Знает ли он о случившемся?

На что Жун Тянь лишь тихо вздохнул:

— Когда допрашивали Тун Цзяньмина, Ле-эр был рядом, как думаешь, знает ли он о случившемся?

От ответа сердце словно оборвалось:

— Где он?

— Ле-эр с детства являлся смыслённым ребёнком, и прекрасно понимает сложившуюся ситуацию, — сказал Жун Тянь. — После вопроса Тун Цзяньмина Ле-эр, не сказав ни слова, ушёл присматривать за ранеными солдатами, — тут он сделал паузу, и, поджав тонкие губы, горько улыбнулся. — Возможно, он боится оставаться со мной даже на несколько секунд, так как станет умолять о помощи, совсем как ты.

После долгого молчания, Фэн Мин улыбнулся, презирая себя:

— Даже Ле-эр намного умнее меня. Ты знаешь, я тут вспомнил... — внезапно остановился, так и не досказав.

— И что же ты вспомнил? — поинтересовался Жун Тянь.

— Я вспомнил Лу Даня, — произнёс он, вздыхая. — Незадолго до его смерти у нас состоялся очень долгий разговор. И тогда-то он меня спросил, знает ли князь Мин общее положение дел [4].

Мягкий голос Лу Даня, казалось, раздался в ушах: «Князь Мин знает общее положение дел?»

Бывают люди, которых сложно забыть. Даже несмотря на то, что они умерли и превратились в прах, память о них всё ещё жива и каждый раз напоминает о том, какими те были при жизни. Именно к таким незабываемым людям можно было отнести и господина советника.

«Общее положение дел.

Подобно большому кораблю, что плывёт в быстром течении и не может контролировать штурвал, люди на борту судна, даже умные, которые способны вычислить, что корабль через какую-то четверть часа может натолкнуться на подводные камни и уйти под воду, недостаточно сильны, чтобы исправить положение, им остаётся только спокойно смотреть, как корабль идёт к своей гибели».

В этот момент князь, наконец-то, понял те чувства отчаяния и печали, что охватывали сердце господина советника, когда последний говорил эти слова.

Которые задевали за живое.

Некоторые события хоть и можно предвидеть, но вмешиваться и изменять их никак нельзя, так как последствия этого вмешательства будут непредсказуемы и, возможно, за них придётся заплатить более высокую цену.

Фэн Мину по-прежнему трудно было смириться с этой крайне жестокой реальностью.

Жун Тянь величественно ответил:

— Мир огромен, и, даже если захотеть, в нём уже не найдёшь такого человека, как Лу Дань. Жаль, что он родился в Дунфань.

Очевидно, что Лу Дань произвёл на государя Силэй огромное впечатление.

— Он считал, что ему несказанно повезло родиться в Дунфань. Ведь, только родившись там, он смог встретить свою любовь — императора Дунфань, — покачав головой, Фэн Мин встал на ноги. — Да, кстати, есть ещё кое-что, о чём я хотел бы тебя поспросить. Хоть Цю Юэ, не выдержав, мне всё рассказала, так как её вынудили, да и с сестрой они достаточно пострадали, разделяя одни и те же чувства. Тебе не стоит порицать её за излишнюю болтливость. Где находятся раненные солдаты? Я хотел бы пойти увидаться с Ле-эром.

На что Жун Тянь, подняв руку, указал:

— Там есть небольшой горный ручей, Ле-эр, должно быть, пошёл туда. — Видя, что Фэн Мин собирается уходить, государь невольно ухватил его за запястье, заставляя обернуться. И, глядя ясным взором на него, Жун Тянь посоветовал: — Чтобы успокоить других, для начала нужно успокоиться самому. Не нужно ли самому успокоиться прежде, чем встречаться с Ле-эром?

Фэн Мин молчал, крепко стиснув зубы. После чего прошептал:

— Даже если у меня и были слёзы, то они уже давно высохли в твоих объятиях.

Кивнув со словами «Хорошо», Жун Тянь разжал ладонь, отпуская любимого феникса.

Направившись, куда ему указал Жун Тянь, Фэн Мин вскоре увидел тот самый небольшой горный ручей, который хоть являлся тонкой струящейся «лентой», однако — чистым, прозрачным, при взгляде на него, чувствовалась бодрость и прохлада. Это место как раз подходило для уставших и раненых солдат, отдохавших и наслаждавшихся покоем под кронами прибрежных деревьев.

Новость о том, что лагеря больше нет, уже долетела и до этих мест. Большая часть рядовых солдат, смотрели на подобный случай, как на нечто неизбежное. Так же думали и люди красавицы Мэй Цзи, расположившись ниже. Даже не удостоили Жун Ху, являющегося императорским телохранителем, дружеского сочувствия, ведь на службе нет друзей. Узнав, что пожар — дело рук Жо Яня, все лишь бросили «безжалостный», но чувства сострадания было не таким глубоким, как у Фэн Мина.

Кроме того, после ночной кровавой битвы, отделаться ранением — считалось величайшим благословением Небес. И для группы раненых солдат было самое время радоваться собственной жизни.

Увидев приближающегося Фэн Мина, солдаты один за другим подняли головы, приветствуя:

— Князь Мин!

— Князь Мин пришёл!

Князь был подавлен, но, увидев радостные лица раненых, ему пришлось растянуть губы в лёгкой улыбке. Кивнув, Его Светлость склонился и похлопал одного из них по плечу:

— Как рана? Всё ещё болит?

Справившись о здоровье и выразив сочувствие, князь продолжил путь. Пройдя мимо раненых, он увидел Цю Син, которая одиноко сидела у кромки воды и смывала слёзы. Поспешно подойдя, Фэн Мин тихо позвал её:

— Цю Син?

— А? — охваченная печалью девушка не ожидала, что её кто-то внезапно потревожит. Обернувшись, Цю Син увидела стоящего позади неё господина, и шустро вытерла платочком лицо. — Что князь Мин делает здесь? Вы... Вы уже всё знаете, да?

— Угу.

— Это Цю Юэ Вам рассказала?

Фэн Мин лишь тихо кивнул, так ничего не ответив.

Примечания:

[1] Полная фраза звучит как «защитить легко, атаковать сложно» обр.в знач.: неприступный.

[2] Камень обсидиан - не что иное, как застывшее вулканическое стекло. Выглядит оно довольно необычно и может быть разного цвета: черного, серого или бурого.

[3] Имеется в виду керосин.

[4] Фэн Мин ссылается на слова Лу Даня, сказанные им в 130 главе.

<http://bllate.org/book/13377/1190182>